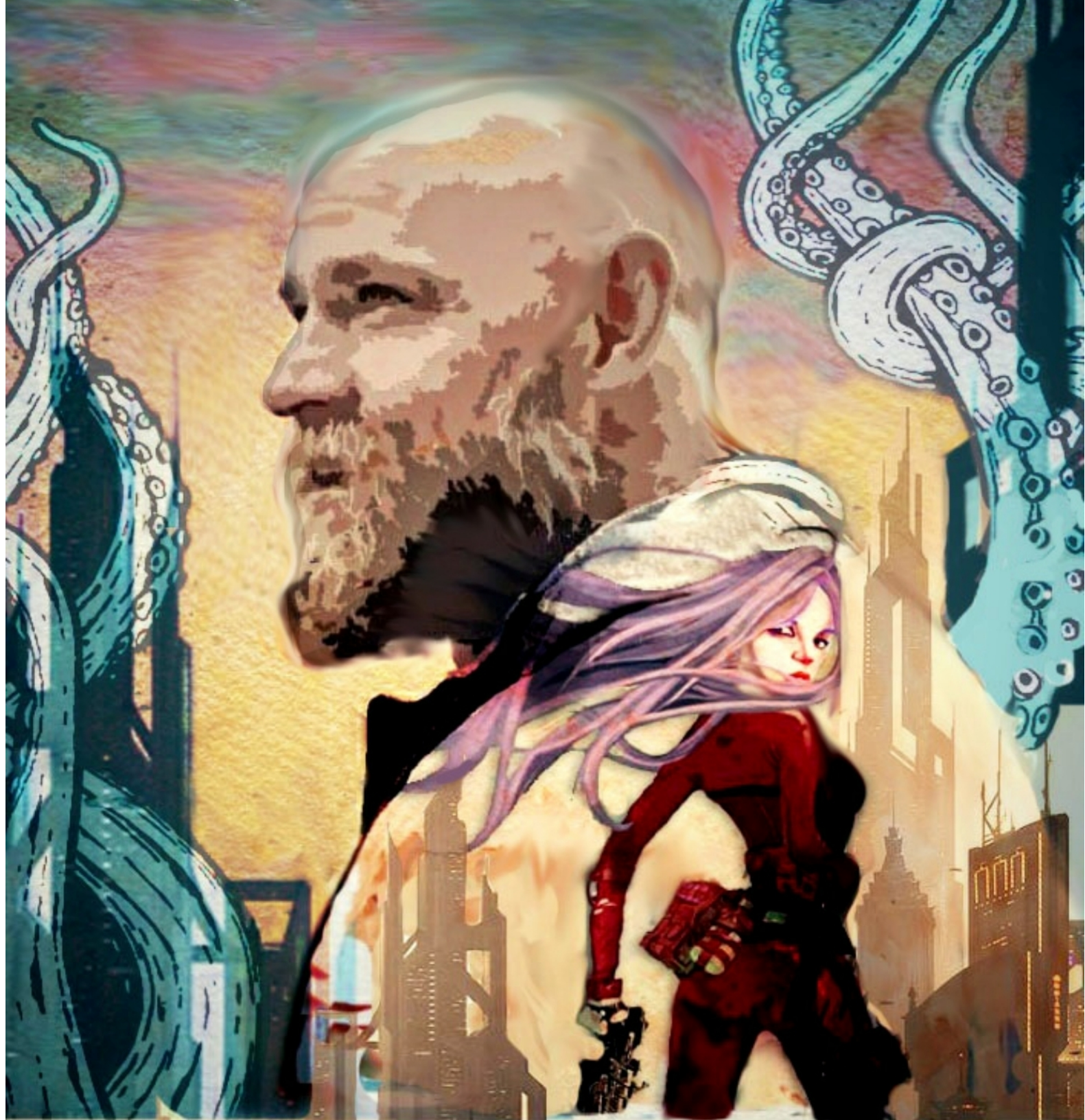

ДАФНА КИГЕЛЁВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ЧЛОММА

18+

Дафна Киселева

Чломма

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Киселева Д.

Чломма / Д. Киселева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Чудовищных размеров паразит опутал щупальцами планету. Он поедает мир, на котором растёт, но в то же время выделяет бесценные гели, кормящие людей. На гелевых продуктах выросло ни одно поколение, а на ростках Чломмы теперь стоят города. Однако ресурсы планеты не бесконечны. Ходят слухи, что Организм высосал их без остатка и теперь хочет отделиться. Что будет с цивилизацией, столь зависимой от Чломмы? Психотерапевт с Земли прилетает на странную планету по долгу службы и оказывается втянут в конфликт тех, кто поклоняется паразиту, и тех, кто его ненавидит. Это история о зависимостях и переменах. Ни один симбиоз не вечен. Перемены - единственное, что остаётся навсегда. Вопрос лишь в том, принимаем мы изменения или боремся с ними, пускаем на самотёк или творим сами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава первая

Паровой сезон истёк. Смердную дымку над пустошами развеяло. До зари Ильс поплёлся на котлован. Каждый день он стирал руки в кровь на добыче дэфры. Вот и сегодня каторжники понуро ковырялись вилами в трупном озере. Выуживали останки из ямы с биологическим компотом. Острыми шпателями счищали с тел нарощую за ночь гущу с радужным отливом. Фильтровали жирную субстанцию марлевыми полотнищами, а затем сливали в заплечные баллоны. Жижа фосфоресцировала в темноте, подсвечивая лица рабочих красноватыми бликами.

Ильс трудился вместе с другими пленниками. Многие были такими же эмигрантами с Земли, волею случая застрявшими на колониальной планетке под названием Тананда.

Изоляты, хозяева здешних мест, обычно подключались к рассвету. Они забирали у рабочих баллоны, добавляли в них эфирные масла, красители. Разливали желе по флаконам, придавая товарный вид.

Дэфру капали под язык, чтобы снять боль, а ещё – пили, чтобы покуражиться. Она довольно быстро вызывала привыкание. На ней сидели все изоляты, а втайне и многие городские. Но лишь некоторые умели извлечь из этого выгоду.

Хонем по прозвищу Мякиш, живший за кордоном пятый год, сколотил на дэфре целое состояние. Он держал под собой три окрестных котлована, где впахивали пленные из городских. Поставил надсмотрщиками младших братьев.

Каждый день к обеду он загружал партию разноцветной благоухающей дэфры в челнок и летел в город. И хотя её употребление у цивилизованных жестоко порицалось, к вечеру Мякиш всегда возвращался с выручкой. Он поднял на двойных стандартах горожан столько, что отгрохал себе коттедж у Северного котлована и даже установил на крыше флюгер. Диктовалось это скорее данью пафосу, чем необходимостью следить за ветрами.

«Другой берег почти не видать. Дэфра здесь нарастает быстро, а уж какая густая! За такую в любом цивилизованном городе заплатят не меньше сотни за литр!» – Ильс одёрнул себя, сознавая, что мыслит как изолят, хотя провёл с этими диковатыми ребятами всего пару месяцев.

Безотчётным движением он сбросил обмылок, потерявший человеческий вид, обратно в котлован. Тот с чмоканьем всосался в розоватый кисель из мяса и сукровицы. Ильс уже без отвращения заметил, как быстро привык к этой работе. Затравленно всмотрелся в горизонт.

Необъятная голова Чломмы отсюда, из пустошей, казалась вспухшим в рельефе пузырям. Впечатление это было обманчиво. Ильсу довелось пожить прямо под её боком, слышать её пульс и дыхание. Он помнил её величие и успел проникнуться любовью к этому феноменальному существу. В городах Чломму почитали как Высший Организм.

В этих же краях отношение к ней было совсем иное. Ни преклонения, ни пения мантр, ни ритуальных плясок в пустошах не практиковали. Изоляты просто брали от Организма дэфру. Чтобы смягчить боль приступов, в которых он же и был виновен. Чломмой здесь её почти не называли. А если слышали цивилизованное «Первоматерь», то и вовсе сплёвывали, закатывали глаза. Обходились жестами или говорили «ну, эта».

Когда солнце распалилось, и от озера трупов повалил пар, Ильс надел респиратор. Даром что сухой сезон, а к полудню Организм просыпается и дышит активнее. В такие часы из ртов котлованов жутко воняет.

Ближе к обеду явилось двое конвоиров. Шеренга рабочих строем потопала в бараки. Ильс сделал круг почёта вокруг стоянки и оказался в своих «покоях». Кожаная палатка стояла на отшибе кочевого лагеря. Его содержали в особых условиях, полагая, что пленник с собственным челноком – персона важная. Его можно будет при случае обменять у городских на продукты цивилизации.

Первые дни в плену Ильс лежал в полузабытийном кровавом мареве – с двумя сломанными рёбрами и разбитой головой. В редкие моменты, когда он очухивался от горячего бреда, к гамме ощущений добавлялась ещё и ломка. Тело тосковало по гелям, ставших привычными за полгода в столице. Гели заменяли ему воду, как и любому жителю большого города на Тананде. Но в пустошах презирали гели.

Жизнь и остатки рассудка Ильсу спасла дэфра. Между омерзительным лекарством и бесславной смертью он избрал первое. К тому же изоляты особо не церемонились, заливая ему, обездвиженному, в рот пахучее желе.

На этой планете многие процессы протекали быстрее земных. Эта особенность касалась и регенерации.

Начав приходить в себя, он заметил, что рядом постоянно крутился щуплый ребячёнок лет пяти. Иногда парень садился рядом и подолгу глядел на Ильса. Когда боль отпускала, он пытался разговаривать малыша. Но тот всегда молчал и продолжал бесстрастно тарашиться.

Лишь когда Ильс стал его поддразнивать и корчить рожи, тот, словно удивившись такому поведению взрослого, распахнул чёрную дыру рта. В ней не оказалось ни зубов ни языка. Мутанты на Тананде не были редкостью, и всё же Ильса на секунду охватил ужас.

По меркам пустошей, с ним обращались даже ласково. Приставили девчулю, которая делала перевязки. По собственной инициативе подстригала ему бороду, ибо ножниц Ильсу не доверяли. Свою полезность она компенсировала пассивной, а иногда и не слишком пассивной агрессией.

Она с апломбом называла себя правой рукой главы сопротивления изолятов. Статус позволял ей разгуливать с пультом управления токовыми ошейниками. И взбадривать разрядами слишком ленивых работников.

Её можно было назвать симпатичной, с точки зрения земных стандартов красоты. Но только не на Тананде! Антрацитово-чёрные волосы и смуглая кожа здесь суеверно считались признаками бездетности. К тому же левый глаз у неё не всегда поспевал за правым. Словно бы западал внутрь, как у доисторических кукол. Он нередко слышал, как её поддразнивают сверстники и даже пожилые мужчины.

Пару раз она прибежала к Ильсу в слезах, распознав в нём хорошего слушателя. В этих краях он и сам не считался красавчиком, но мирился с этим куда проще девчонки. Здесь, в пустошах, не было ни компилятора эмоций, ни гипнокамеры для модификации убеждений. Однако Ильс вспомнил ранний этап своей психологической практики. И провёл ей небольшую терапию по старинке. Правда, эффективность оной была сомнительна. Трудно стать авторитетной личностью для того, кто держит тебя в рабстве. А клиент едва ли поверит в помощь терапевта без авторитета.

Сегодня она явилась раньше обычного и продолжила вчерашний разговор, будто лишь отходила на минутку:

– Ты обещал, Землянский! Давай, доставай свой дневник.

Слово «землянин» и фамилия Жартовский слились в причудливой речи изолятки в дурацкое прозвище, от которого он уже не чаял избавиться. Своё имя девчонка говорить отказывалась – у местных не было принято раскрывать имена цивилиам.

– Какой ещё дневник? – утомлённо вздохнул Ильс. – Уж не бредишь ли ты?

Солнце пекло всё активнее, и запах с котлована добрался до лагеря.

«Когда духота спадёт, они соберут свои манатки, погрузят в единственный на группу челнок и погонят нас к следующему котловану...» – подумал Ильс, окидывая взглядом стоянку. Из полусонной задумчивости его вывел болочий пинок в бок.

Девчонка скривила лицо и угрожающе занесла пальчик над тумблером в кулаке:

– Ты мне наскучил! Сейчас же читай свои письма, как обещал! Или получишь разряд!

Рука Ильса рефлекторно дёрнулась к металлическому обручу на шее. Эта штукавина удерживала его в лагере изолятов целую вечность. Он уже знал – выход за радиус действия, как и любое неповиновение, сулит ему целую радугу болезненных впечатлений. Причём хлестать эта радуга будет изо всех отверстий. Даже тех, о существовании которых он предпочёл бы не знать.

– Я-то, наивный, решил, мы уже давно подружились, – с притворным разочарованием отреагировал на угрозу Ильс.

– Да-да, ты мой лучший друг! Давай, я жду! – возбуждённо поторопила она. Запрыгнула на жёлтую, поеденную ржавкой бочку. Умостила в полулотос так, что Ильс мог лицезреть её трусики.

Пару дней назад она увидела Жартовского за чтением собственной рукописи и с тех пор не давала ему покоя.

– Я обязан предварительно озвучить, что эта история может тебя шокировать, дитя, – заявил Ильс почти серьёзно.

– Глупый Землянский! – хохотнула изолятка. – Я только выгляжу как подросток с твоей планеты! Мне уже семнадцать! Меня уже и замуж-то не возьмут небось! – она вдруг погрузилась. – Читай, а не то Старшему донесу и останешься без дэфры на сутки!

– Хрен с тобой, не отвяжешься ведь, – пробормотал Ильс. – Тебе повезло. В моём плотном графике как раз выдалось окно.

В зените дня Чломма источала самые мощные вибрации. В такие моменты работать не полагалось. Вся стоянка отдыхала и ждала, когда Организм прекратит фонить и уснёт. Пока он бодрствовал, от приступов аритмии изолятов спасала только дэфра.

Девчонка присосалась к флакону и потребовала:

– Только читай с выражением!

– Я на днях голос сорвал. Буду хрипеть и сипеть, претензии не принимаются...

По лицу её промелькнула садистская ухмылочка:

– Ага, слышала я твои вопли! Усвоил теперь, что отсюда тебе не сбежать?

Он принялся молча сворачивать самокрутку. Наловчился их делать из сушёной биосои и кожуры хлебных ростков. Ответил, глядя в сторону:

– И не стремлюсь, дорогая! Куда я без тебя? Да и чего я не видел на Земле? К чему мне эти назойливые земные женщины? С их кошмарной лаской, заботой и вкусной кормёжкой? Фу, надоело.

Изоляты понимали всё буквально:

– Дома тебя преследовали жаждущие землянки? – озадаченно склонила голову набок девчонка. – Но ты ведь совсем некрасивый!

– Да уж прям! Тебе-то я нравлюсь, – поднял одну бровь Ильс, – и потом, только на твоей планете лысая голова – признак убогих генов. На Земле это признак высокого тестостерона.

– Тесто... чего? – пробурчала она. – Ты давай мне не умничай тут, а читай, а не то...

– Ладно, лимит угроз на сегодня ты исчерпала! Только не говори потом, что тебя не предупреждали!

Из мебели в палатке Ильса были три ящика из хило сколоченных досок, заменявших ему стол и стулья, и накрытая дырявым спальником лежанка из паллет. Под ней в земляном тайнике он припрятал рукопись, над которой трудился с самого прилёта на Тананду.

Это была смесь путевых заметок и мемуаров. Из древнего, позабытого всеми навыка ручного письма Ильс сделал практику успокоения и самоанализа. Когда мысли о прошлом начинали вспахивать в мозгу кровавые борозды, он писал.

Он выудил из тайника альбом в кожаном переплёте, стряхнул крошки земли. Страницы рукописи волнились по краям. Местами были заляпаны кровью и пятнами машинного масла.

Он до сих пор поражался, как альбом пережил крушение его челнока и дни скитания по пустошам.

Ильс зыркнул исподлбья на притихшую наконец изолятку. И начал читать, с каждым словом глубже погружаясь в картины пережитого:

«...Как меня занесло на Тананду? Я уже не верю, что это была случайность. Хотя контракт на полугодовую вахту я подписал шутки ради, за столиком питейного заведения. Эти вербовщики выловили меня со дна самой глубокой ямы, в которую мне доводилось падать. Однако теперь я вижу – к этому шагу меня вели нити закономерностей. Цепочка моих собственных выборов.

За десяток лет психологической практики моя чаша терпения стала бездонным колодецем с четвёртым измерением. И всё же я был пресыщен Землёй и типичными комплексами землян. Каждый из них мнил своё отклонение уникальным. Они расценивали штопанье дыр в мозгах у дорогостоящего психотерапевта как пикантную деталь для своих скучных биографий. Некоторые не слишком стремились избавляться от своих неврозов. Особо инертные ребята навещали мой кабинет годами.

Долгое время меня устраивало такое положение дел. Я исколесил полмира на доходы от своих консультаций. Были в моей практике и хэппи-энды – я излечил от застарелых обид на жизнь целый батальон неудачников. Разработал авторскую технику гипнотерапии. Защитил докторскую. Подлатал несколько уродливо-созависимых браков: пускай растут духовно. Но гораздо больше разрушил. Из милосердия. Собрал коллекцию благодарственных писем, презентов и минетов от разведёнок.

Да-а, часть моих методов научное сообщество внесло бы в список запрещённых деяний по отношению к свободным индивидам. Если бы я дал себе труд поставить о них в известность это самое научное сообщество.

В юности я растрчивал свои ресурсы направо и налево, а затем ударялся в фанатичное оздоровление и полное отрешение от мира. Год провёл в кокаиновом туре. Исследовал самые маргинальные подполья Евросоюза. Год прожил в монашеской общине в Южной Австралии. Питался одними фруктами и проводил дни в глубокой медитации.

В периоды, когда мне удавалось балансировать между этими крайностями, я падал в очередные отношения. Откуда выкарабкивался только благодаря врождённому трудоголизму. И стойкому убеждению: в любой проблеме скрыт ресурс. Трамплин для развития. Вляпался – получи удовольствие. Иначе какой смысл распылать энергию.

Моя жизнь напоминала вертикальный сериал. Каждый эпизод знаменовал новое приключение, мало связанное с предыдущим. Но большинство обывателей предпочитало строить горизонтальные истории. Вить свою паутину, заливая её клеем социальных обязательств.

Евросоюз всё плотнее сдавливал тиски контроля над личностью. Реклама настойчиво увещевала продлить подписку на чат коллективного разума.

А эти вездесущие дроны-сканеры осознанности! Только выйди на улицу в философском настроении! К вечеру дозировка эйфоретиков в водопроводной воде твоей квартиры будет зашкаливать. Сколько раз накальвался я на этом и вместо работы над новой книгой устремлялся в секс-хаб...

На перенаселённой тоталитарной Земле становилось душно. Физическое бегство с давних пор оставалось моим излюбленным способом решения проблем. Тогда в поле моего внимания стала мелькать информация о Тананде. Фильмы, разговоры, красочные баннеры.

Пока глобальное правительство Земли и Марса закручивало гайки, индивидуалисты ринулись строить новые порядки на неизведанных просторах. То были отщепенцы, сектанты, эко-поселенцы, хакеры, уфологи, футурологи, мракобесы и просветлённые.

На Земле от лесов осталось одно название, а от воздуха – сплошной углекислый газ. Отсюда пачками улетали адепты здорового образа жизни. Но улетали также искатели острых ощущений, только и мечтающие приторчать на гелях.

Маленькая Тананда радостно принимала странных экспатов без виз и проверок ленты воспоминаний. Единственным тестом для всех желающих отправиться на планету была интерактивная симуляция. Короткая экскурсия с виртуальным гидом. Он оценивал стабильность психики, состояние физического здоровья и глубинные убеждения кандидата. Так отсекались преступные элементы, разносчики инфекций и клинические психопаты.

Вторым фильтром был возраст. Слетать на планету туристом можно было и на пенсии. А вот эмигрировать или погостить полгода – только до тридцати двух лет на момент отбытия с Земли.

Причиной тому – колоссальных размеров полумразумный Организм, который местные жители нарекли Чломмой. Это существо оплетало своими щупами планетку уже не первое столетие. Вся цивилизация Тананды росла на его соках.

Чломма создавала невероятно сильный магнитный фон, что сокращал продолжительность жизни. Нервная система местных жителей довольно рано выгорала, истощала заложенный природой ресурс. Психотерапевты на Тананде пользовались особым статусом и спросом. Благо, что один за другим сбегали домой, не доработав и половины шестимесячной вахты. Так мне сообщили сотрудники Лиги Цогма во время подписания бумаг.

Зато так называемая Чломма выделяла бесценный ресурс – гели, ставшие основой местной экономики. Оранжевый гель-стимулятор – цодж и голубой седативный гель – флегма. Создатели Цогмы, нанявшей меня, явно недолго думали над названием.

Лига эта, как я понял, была выборной партией, но сидела у власти на Тананде уже лет пятьдесят. Неудивительно, ведь вся гелевая индустрия планеты была их собственностью.

Гели использовали для регенерации тканей, из них синтезировали продукты питания и практически вечные стройматериалы. Более того, вещества эти магическим образом ускоряли работу мозга. По вкусу флегма и цодж напоминали воду, которую на Тананде пили лишь по особым случаям. Уникальные субстанции, доступные лишь на планете-источнике и запрещённые к вывозу.

Запрет, разумеется, систематически нарушался. Испробовать гелей можно было и на Земле – за космическую цену. Я решил, дешевле будет слетать на Тананду. Оказалось – себе дороже. Но обо всём по порядку.

История эта закрутилась после развода с Уной. Когда мы разбежались, я знал, что делать и как быстро прийти в себя. В теории. На практике же у меня впервые в жизни опустились руки. У меня, оптимиста в седьмом поколении! С содроганием вспоминаю, как был к ней привязан.

Служаки из Цогмы подкараулили меня в каком-то мутном баре, что я облюбовал для своего запоя. К тому моменту я уже с неделю посыпал голову пеплом, сидя со стаканом в укромном уголке. Сейчас я понимаю – они наблюдали за моей деятельностью давно и подкатили в чётко выбранный момент.

Пара бодрых молодчиков невзначай подседа за мой столик. Сначала я принял их за вербовщиков очередной секты добровольного умерщвления, коих в последние годы развелось великое множество. Ага, подумал я, сейчас начнётся. Пожертвуй собой ради будущих поколений! Освободи место детям, ведь на Земле так тесно! Но всё оказалось ещё любопытней. Они стали восхищаться моим давнишним выступлением на межпланетном симпозиуме психотерапевтов. Угостили выпивкой и предложили капнуть в виски немного цоджа. «Но только между нами, дружище! Формально это уголовная статья».

Я в тот момент не отказался бы и от шепотки стрихнина. Формальности растворились с первым глотком. Со вторым мы стали лучшими друзьями.

Потом меня понесло. За полчаса они узнали обо мне больше, чем бывшая жена за весь наш абсурдно долгий брак. Очаровать меня может только мой же светлый образ в уме собеседника. Дай только вылить в свежие уши дичайшие подробности моей биографии.

Мне, очарованному, расписали все прелести работы на Тананде: шикарный оклад, проживание в кондоминиуме, собственная гипнокамера. А главное, интереснейшие клиенты из креаторов – специалистов по добыче гелей.

Следующим утром я сидел в центре подготовки для улетающих на Тананду. Тело облепляли датчики, а в крови растворялась инъекция для входа в симуляцию.

– Ваше виртуальное путешествие запустится через шестьдесят секунд, доктор Жартовский, – бодро сообщил инструктор в серой униформе по имени Эл. – Заодно мы проверим, как вы переносите наши анабиотические препараты. Мы ведь не хотим, чтобы спустя шесть месяцев полёта на Тананду прибыл ваш иссохшийся труп?

Вопрос был риторический, и я промолчал.

– Это будет ознакомительное погружение, – продолжил он. – Вы, конечно, многое слышали о цивилизации, растущей на гигантской Чломме. Но, поверьте, увидеть своими глазами будет намного познавательней. Приготовьтесь к старту. Я встречу вас на той стороне.

– Сколько займёт процедура?

– Не более часа. Рекомендую пройти интерактивный курс до конца. Но если опыт покажется слишком интенсивным, не стесняйтесь. Обратитесь ко мне по имени и попросите вывести из симуляции.

– Это не потребуется, благодарю за заботу, – храбрился я, – судя по рассказам ваших сотрудников, там настоящая утопия. Хоть и построенная на теле гигантского кальмара с триллионом щупалец.

– Лучше воздержитесь от поспешных суждений. А также иронии над отрогками Организма. На Тананде Чломму считают Первоматерью, ведь она ... – реплика оборвалась на полуслове. Инъекция уже подействовала.

Изображение пошло рябью, лицо инструктора размножилось, словно в калейдоскопе. Поток запахов и шума.

Мимо с реактивным гулом скользили челноки. Воздух искрился свежестью. Пружинистая земля уходила из-под ног. Глаза дико слезились от обилия красок и отказывались фокусироваться.

– Ну как, док, готовы к прогулке? – Эл стоял напротив и покровительственно улыбался. Его виртуальная проекция отличалась от реальной оболочки. В симуляции он явно отбелил себе зубы и добавил сантиметров десять роста.

Я бормотнул то, что при наличии фантазии можно было расценить как положительный ответ.

Голос Эла был глубок и хорошо поставлен:

– Славно-славно! Давайте же бегло осмотрим дебри культуры Тананды. Как только ваше восприятие адаптируется к симуляции, мы начнём экскурсию.

Из сумятицы красочных пятен стали проступать детали пейзажа. Мы с проводником стояли на крошечном островке для экстренной парковки с краю от шумной магистрали. Вместо асфальта под ногами стелилась полупрозрачная стеклоподобная гладь. Сквозь неё просвечивала мякоть гигантского щупа. Я перегнулся через ограду, дабы подтвердить свою догадку.

– Так и есть, – ответил на мой безмолвный вопрос гид. – Шоссе пролегает по отрогку Чломмы – на них танандцы строят дороги уже две сотни лет. Вы убедитесь, такие дороги намного быстрее обычных. Кстати! Обернитесь, вот и она!

Я повернул голову, потрясённо выругался и уставился на исполинский мясной пузырь. Розовато-фиолетовая туша с коричневыми наростами, бороздами и присосками росла прямо

из земли, подобно шарообразному вулкану. Существо раскинуло во все стороны бесконечные щупы, уходящие далеко за горизонт.

Город являл единое целое с этим гиперорганизмом. Отростки выныривали из высоченных каменных арок, дома возвышались на фундаменте из толщи мяса, тут и там дышали паром многочисленные дыхательные отверстия. Какая прелесть...

– Она и вправду мила и обворожительна, – прочитал мои мысли Эл. – Вы ещё узнаете. Чломма – Первоматерь всего живого на этой планете. Она кормит людей и даёт им кров. Существует религия, в которой она считается Высшим Организмом.

– Надеюсь, её адепты не жгут на кострах неверных? Только поклонения осьминогу не хватало в моём послужном списке безумств...

– В отличие от Земли, на Тананде полная свобода вероисповедания! – заверил меня экскурсовод. – Местные далеки от средневекового мракобесия и не станут вас обращать в свою веру. Пока сами не попросите.

– Великодушно с их стороны, – порадовался я.

– Именно! – подхватил гид. – Организм – сущность колоссальной энергетики. Голова Чломмы – её главный энергоцентр, а каждый росток – ответвление. Они создают сеть линий. Энергетическую систему. По этим линиям пролегли скоростные магистрали и разместились основные объекты инфраструктуры.

– Хм, так же поступали древние цивилизации! – подметил я. – Когда оккупировали реки и междуречья.

– Это уместная аналогия, – снисходительно прокомментировал Эл. – Хотя и слишком простая. Тело Чломмы почти не содержит воды, только гелевую субстанцию.

Он сделал рукой широкий жест, зацепил пальцем уголок визуальной реальности и скомкал картинку, как ресторанный салфетку.

Я завис в вакууме. Темнота сгустилась, вокруг образовались скопления звёзд, и я увидел Тананду глазами астронавта.

Эл принялся вещать с активностью ведущего утреннего шоу:

– Две сотни лет назад эта маленькая планета была слабо освоенным мирком. Население составляли опытные космонавты и учёные. Горстка свободолюбивых экспатов с Земли и других тоталитарных планет...

Мимо шарика Тананды свистели кометы и астероиды. Звёзды сливались в хромовые борозды на чёрном теле небосвода. Время стекало в невидимую воронку где-то в закромах космоса.

Меня подхватило и понесло с реактивной скоростью сквозь толщу слоёв атмосферы. Я опустился до высоты полёта дельтаплана. Внизу посреди степи цвета жёванной мятной пастилки копошились микроскопические фигурки людей. Гид вводил меня в курс дела:

– К моменту появления Организма на Тананде едва успели основать три научно-исследовательские станции. Одна была полностью отдана под складские помещения и оставалась до поры нежилой. Это и спасло первооткрывателей нового мира от трагедии. Чломма, тогда ещё маленькое существо неизвестного происхождения, вынырнула из гиперпространства вместе с тонной космического мусора. Присосалась к планете. Накрыла своим телом упомянутые склады...

Сзади раздался далёкий свист. Розоватое, бесформенное нечто с хлюпаньем шлёпнулось на поверхность планеты. Прихлопнуло собой игрушечный с виду павильон. Тот, по моим прикидкам, занимал площадь не менее трёхсот квадратов.

– Чломма случайно выбрала именно это место для сопряжения с Танандой, – продолжил рассказ Эл. – То был, как учёные вскоре выяснили, энергетический центр планеты, её пульс.

Организм присосался к Тананде, чтобы поглощать её соки. Скоро вокруг его «головы» начала образовываться пустошь. Иссохли ручьи и озёра, земля перестала давать урожай. Люди, жившие вблизи Организма, начали болеть.

Они поняли, что имеют дело с планетарным паразитом. И запоздало попытались избавиться от Чломмы. Та уже успела срастись с грунтом, раскинула на солидную площадь свои кожные покровы. Выпустила несколько длинных щупов. Экологи отрезали один из них и едва не утонули в гелевой субстанции, вытекшей из раны существа.

Эл говорил, а я наблюдал, как искалеченный космический уродец изливается на сухой грунт голубыми и оранжевыми потоками. Склизкая плёнка идёт пузырьками. Под ней моментально возникают свежие ростки травы.

– Так началась гелевая эпоха. Вскоре стало ясно: эти гели – бесценный ресурс. Универсальный активатор роста. Они оказались прекрасным удобрением. Почти моментально регенерировали ткани. Годились в пищу.

Я был впечатлён:

– Представляю, какое количество волонтёров ринулось осваивать Тананду, узнав о гелях!

– Ещё бы! – согласился мой проводник. – Города росли как грибы. Затем выявили, что употребление гелей активирует мозговую активность. С флегмой и цоджем люди за пару месяцев в совершенстве изучали новые языки. Работали без отдыха по тридцать часов кряду. Понеслись новые технологические открытия.

Первопроходцы быстро освоили тысячи гектар Тананды. Благодаря Чломме, за каких-нибудь два века колония догнала и во многом превзошла Землю по части технологического прогресса...

Десятилетия становления цивилизации неслись перед глазами в ускоренной перемотке. Мегалополисы расползались вширь и росли ввысь, щупальца Организма толстели и удлинялись. Время шло, люди приноровились строить свои города на теле планетарного вампира. Голос незримого экскурсовода продолжал декламировать:

– Чломма росла, вместе с тем усиливались её вибрации. Этот фон начал активно влиять на психику и поведение людей. У некоторых стали проявляться экстраординарные способности. Телепатия, абсолютная память, колоссальная выносливость. В то же время нежелательные эффекты от фона Чломмы сглаживались употреблением гелей. Танандцы проживали сверхпродуктивные жизни.

Вокруг Организма возникла философская школа, которую назвали Кшатра. С годами она трансформировалась в религию и обзавелась сетью храмовых комплексов.

Танандцы впереди всей Солнечной системы по количеству Нобелевских премий. С другой стороны, они быстро растрачивают внутренние ресурсы. Человеческий мозг не заточен на использование с такой интенсивностью. По мере роста Чломмы продолжительность жизни всё сокращается. Восемьдесят процентов местных смирилось с таким положением вещей...

– Дайте угадаю, – вставил я, – а остальные двадцать стали покидать планету?

– Остальные двадцать оказались невосприимчивы к положительным эффектам гелей. Такие появились уже во втором поколении танандцев. Их называют аллергиками или изолятами. Цивилам флегма и цодж помогает задействовать спящие ресурсы мозга. На аллергиков же эти вещества никак не действуют. В результате они страдают от излучения Чломмы. Зашкаливающее сердцебиение, боль в груди, иногда – панические атаки. Приступы аритмии. Большинство из них покинуло Тананду.

– Большинство? Неужели среди аллергиков нашлись желающие остаться?

– О, да... – несколько наигранно вздохнул гид. – Фанатики. Они жаждут отделить Чломму и отправить бороздить гиперпространство. Иначе рано или поздно она высосет планету без остатка.

– И как же они борются с приступами паники или что там ещё вызывает тесное соседство с Организмом? – заинтересовался я, почуяв потенциальную клиентуру. – Если они не могут снять эти эффекты гелями?

– Они пьют дэфру, – объяснил голос. – Это пищеварительный сок Чломмы. Мощный наркотик. Да, в микродозах дэфра содержится и в гелях. Но вспомните: некоторые яды при правильном использовании оказывают целебный эффект. А в гипердозировке нанести вред может даже вода.

Тем временем картинка изменилась, я летел над пустошью. Здесь не было сверкающих неонам городов и бурных магистральных потоков – только палки сухостоя и хлипкие бараки. Редкие скромные домики. Кое-где встречались палаточные стоянки, похожие на кочевые лагеря доисторических земных племён.

– Здесь и обитают изоляты. Эти люди покинули цивилизацию ради выживания. Приступы их слабеют вдали от головы Организма. Некоторые живут на временных стоянках, кочуют. Другие осели и ведут хозяйство. В пустошах можно выращивать ряд культур, которые не приживаются рядом с Чломмой. Для роста им нужна не вода, а дэфра.

Есть среди них и идейные противники Организма. Они не испытывают приступов, но тоже покинули города, ибо свято верят: паразит съест планету и его нужно отрезать, пока не стало слишком поздно. Жители этих мест делают набеги в города. Тайно отрубая щупы и ранят Чломму в попытках заставить её отклеиться.

– Разве такое возможно? – удивился я, – она так глубоко выросла в Тананду! Разделить их было бы сложнее, чем сиамских близнецов с общими органами.

– К сожалению, именно это и происходит последние пятьдесят лет, – парировал мой экскурсовод. – Учёные стали замечать признаки отделения ещё в середине прошлого века. Чломма полностью высосала планетарный сок. Она уже давно не растёт. А питается только биологическим материалом и собственными гелями, которыми здесь удобряют почву.

– Биологическим материалом? – мрачно уточнил я. – Они что, скармливают ей людей?

– О, только лишь трупы.

Хотя голова Чломмы осталась на другом полюсе, её кожный покров добрался и сюда. Как свежие раны, на нём поблёскивали кратеры, наполненные до краёв красноватой жижей.

Я приблизился к одному из котлованов. Озеро было заполнено радужной слизью, переливающейся на солнце. На поверхности под толстой полупрозрачной плёнкой восставали и опадали пузыри. Клубился тёплый пар.

Эл вдохновенно пояснил:

– Перед вами один из многочисленных ртов Организма. Такие котлованы используют как кладбища. В них Чломма переваривает останки. Это и является её основным мотивом остаться на планете ещё на пять – семь лет. После чего мы прогнозируем достаточно быстрое отделение.

– И насколько опасно жить вблизи такого рассадника заразы? – поинтересовался я.

– Абсолютно безопасно. Пищеварительный сок Чломмы – отличный антисептик! Между прочим, котлованы бывают двух видов – естественные и искусственные. Вторые вырезают около крупных агломераций. Края присыпают хлорной известью. Чтобы котлован не затянулся в процессе регенерации.

– Потрясающе! – восхитился я. – Вот оно – колесо перерождения во всей красе. Люди проживают жизни, питаются флегмой и цоджем. Растворяются после смерти в недрах Организма. А их дети пьют гели, добытые из этих же недр! Чтобы круговорот повторялся снова и снова. Напоминает жизненный цикл на Земле. Правда, в убыстрённом темпе.

Я не видел Эла, но в голосе его мне почудилась улыбка:

– Да, жизнь на Тананде протекает очень быстро. К пятнадцати годам коренные жители планеты обзаводятся детьми. К сорока пяти, успев больше чем, средний обитатель Земли за восемьдесят, растворяются в одном из ртов Чломмы.

Гид показал мне школы с гиперускоренной системой образования, за пару лет дающие университетский уровень знаний. Роддома, в которых роженицы по традиции лежали на ростках Чломмы. Новорождённые с первых же секунд соприкасались с Организмом.

Единственную тюрьму. Уровень преступности на планете был исчезающе низок. Гипермаркеты. Большинство продуктов имели в основе флегму и цодж. В фабричных условиях им придавали абсолютно любой вид и вкус.

Эл начал закругляться:

– Наш последний, но, пожалуй, самый важный пункт назначения – станция добычи гелей.

По хлопку я очутился в слабоосвещенном гроте, стенами которого была мякоть Организма. С кожного потолка светили индустриальные фонари. От центрального зала с пунктом управления вглубь чрева уходили коридоры, напоминавшие ходы в муравейнике. Их вырезали в мясе Чломмы и укрепили металлоконструкциями, чтобы те не заросли. В каждом коридоре по бокам мостились капсулы, похожие на крошечные космические челноки на одного пассажира.

Проводник дал мне осмыслить увиденное и прокомментировал:

– Прежде Чломма охотно отдавала флегму и цодж в любой точке планеты, стоило только сделать надрез. Но внутренние ресурсы Тананды истощились и зона пустошей выросла. Отдача стала слабее. С каждым годом процесс добычи усложняется и требует всё больших трудозатрат.

Мы шли вдоль коридора. За прозрачными дверьми капсул лежали мужчины. Они беспокойно водили глазами под закрытыми веками и постанывали.

Инструктор понизил голос, словно не хотел их будить:

– Это креаторы. Специалисты по извлечению гелей из недр Организма.

– И в чём состоит работа креатора? – уточнил я шёпотом.

Эл пустился в объяснения:

– Добытчик надевает защитный костюм и погружается в кокон. Костюм создаёт возбуждающие импульсы на нейронном уровне. Помогает креатору на время закольцевать свою нервную систему с нервной системой Организма. И защищает тело от растворения.

Импульсы провоцируют Чломму на выброс флегмы или цоджа – в зависимости от температуры добытчика. Гели проходят фильтрацию. А затем появляются в раструбах – вот здесь. Процесс отнимает массу ментальных сил и вызывает упадок энергии. Психологическая помощь креаторам и будет вашей обязанностью.

Я зачарованно смотрел на добытчиков. Раздумывал о психике, на время слитой воедино с разумом гиперорганизма. И о том, что вместо разума у бессмертного мясного шара, поработившего целую планету. Затем спросил:

– Понимаю, конечно, моё пребывание на Тананде по договору продлится лишь полгода... Но что будет с планетой, когда Организм действительно отделится? Со всеми этими людьми, так зависимыми от его продуктов? А с их городами?

– Вы опережаете события, – мягко, но безапелляционно заявил Эл. – Сейчас могу сказать одно. В глобальном смысле ваша миссия – донести до людей, что противиться переменам бесполезно. И даже опасно. Помочь создать точку опоры внутри себя, а не снаружи. Чем раньше это сделать, тем легче им будет адаптироваться...

Неожиданно симуляция начала сворачиваться с краёв, картинка поплёкла и схлопнулась в одну точку. Я очнулся в кресле для погружения, облепленный датчиками, словно комарами.

Инструктор был рядом и заговорил, лишь только я разлепил глаза:

– Прошу прощения, доктор Жартовский! Я вынужден был прервать ваше путешествие. У нас внештатная ситуация.

– Какая именно? – спокойно поинтересовался я.

– Из-за сбоя в системе мы неверно обозначили для вас время отправления корабля на Тананду.

Сердце тревожно затрепыхалось. Я вдруг осознал, что поставил всё на бегство с Земли. Соорудил карточный домик из ожиданий и предвосхищений.

– Он... уже улетел? – спросил я, замедля дыхание нечеловеческим усилием воли.

– Нам сообщили, что он приземлился в космопорте шесть часов назад и отправляется обратно уже сегодня в ночь.

– А должен был лететь послезавтра, – задумчиво протянул я.

– Верно, – кивнул Эл, отрывая от меня наклейки анализаторов. – Ваши показатели в норме. Обычно мы даём время попрощаться с близкими и завершить дела перед полётом. Но сейчас мы едва успеем выдать препараты-заменители гелей...

В комнату без стука влетела симпатичная медсестричка с короткой стрижкой.

– Жартовский, – прочла она с планшета, – пройдите со мной на взятие крови для подбора медикаментов. Если, конечно, вы решились лететь сегодняшним кораблём. Если нет, увидимся на новом наборе...

– К новому набору я уже не пройду ваш возрастной ценз, – хмуро ответил я, – гляньте анкету, у меня день рождения в конце недели.

Коллеги устало переглянулись. На мысленном экране вдруг появилось лицо бывшей жены, которую я не желал видеть, даже если бы мне за это заплатили. Мне захотелось просто сказать ей: «Ну вот, я улетаю далеко и надолго. Держись тут».

Я мысленно окатил саднящий образ из огнёмёта и смысл пепел в воображаемую канализацию сознания. Кивнул:

– Идёмте, я готов.

Девушка чуть ли не вприпрыжку проследовала по коридору, маня за собой. В бесцветном кабинете без окон она нежными ручками взяла кровь у меня из вены и поместила пробирку в анализирующий аппарат.

В подобные моменты я традиционно радовался, что уже лет десять как слез с кокаина и чист, как воспитанник закрытой православной гимназии. Показатели на панели анализатора замерцали стробоскопом. На зависшем в воздухе экране высветился график. Медсестра хмуро изучала его, а я всё больше нервничал.

– Ваши показатели в период с 2199-ого по 2212-й год внушают некоторые опасения... – задумчиво протянула она. – С таким, с позволения сказать, досье даже скромная порция геля Чломмы может вызвать у вас массу непредсказуемых эффектов. Вплоть до долгосрочной перемены характера.

Изобразить благопослушного гражданина было нетрудно:

– А разве сотрудникам Цогмы не запрещено пить гели на время контракта? Я подпишу договор и буду его придерживать.

– О, разумеется! – поспешила ответить медсестра. – Все наши специалисты получают отменные препараты, защищающие от воздействия Организма. Они работают, пока вы не употребляете гелей. Но, по статистике, каждый третий землянин, оказавшись на Тананде, решает их попробовать. Я обязана вас предупредить – гели вызывают очень сильную зависимость, сравнимую с наркотиками древних времён. Вы слышали о морфии?

– Слушайте, мой опыт взаимодействия с древними наркотиками выходит далеко за пределы всякой статистики. И, возможно, даже за пределы вашей фантазии, – я понизил голос и машинально задержал взгляд на её открытой шее, – но я внушил себе глубокое отвращение к любым изменяющим сознание веществам. В гипнокамере. И если в меня насильно будут вливать эту вашу флегму, я буду сопротивляться до последнего.

Девушка пожала плечами, застучала по клавиатуре, формируя рецепт, и через минуту из аэротрубы ей в руки прилетело две баночки с капсулами.

– Принимайте их регулярно, что бы ни случилось. Это обезопасит вас от вибраций Чломмы и позволит вернуться в здравии на Землю. Покупайте только безгелевую еду. Вас

отправят в столицу Октановой агломерации, в Каданс-сити. Там с этим не возникнет никаких проблем.частливого полёта! – холодно и официально продекларировала она.

В следующем кабинете меня обрабатывал лингвист. Толстый и неповоротливый учёный в странной бабочке в горошек. Он поведал мне: язык танандцев сформировался из смеси языков экспатов с Земли и Марса. За счёт невысокой продолжительности жизни местные привыкли жить настоящим моментом, здесь и сейчас. Это постепенно искоренило из языка прошлое и будущее времена.

– Видите ли, коллега, танандцы не привыкли копаться в воспоминаниях или мечтать о грядущем – на это у них просто нет времени, – с энтузиазмом разглагольствовал языковед. – Спросите любого танандца, что он планирует делать через неделю, и он только рассмеётся над наивностью вашего вопроса. Танани – язык, на котором вам предстоит изъясняться ближайшие полгода, не содержит слов «вчера» и «завтра». Вместо них вы будете использовать конструкции «вчерашнее сейчас» или «завтрашнее сейчас».

Вы очень скоро привыкнете, наши препараты сгладят шероховатости восприятия речи. И запомните: говоря о событиях далёких дней или неизвестном грядущем, танандцы называют себя в третьем лице. Он, она... По их мнению, каждый день мы просыпаемся новыми людьми, а вчерашние ограничения и принципы могут не иметь особого значения. А значит, прошлые и будущие события касаются другой личности.

– Вас явно вдохновляет подобная философия, – заметил я. – Вы жили на Тананде?

– Провёл там без малого семь лет, – вздохнул лингвист, – но потом пришлось возвратиться на Землю... кхм, по состоянию здоровья.

Я получил уже третью по счёту банку – на сей раз с ноотропами, стимулирующими мозговую активность. Инструкция велела принимать их каждый день, чтобы успевать за ритмом жизни на Тананде и свободно говорить на языке местных.

– Капсулы имеют накопительный эффект, – продолжил лингвист. – Вы будете понимать танани ещё месяц после отмены, если до этого четыре недели ежедневно принимали препарат. Или три дня, если принимали его три дня. Активные компоненты воздействуют напрямую на медиаторы мозга, ответственные за изучение иностранных языков.

До самого вечера я бегал по извилистым коридорам центра подготовки. Собирал наставления врачей, психологов, специалистов по местной культуре и даже метеорологов.

На закате мне выдали комплект одежды типичного танандца – рубашку и комбинезон с огромным количеством карманов, а в дополнение – поясную сумку. Всё из умной ткани – мягкой, но водостойкой и прочной, как обшивка космолайнера.

Штатный антрополог, марсианка, похожая на кинодиву, объяснила:

– Карманы – своеобразный фетиш местных. Они считаются признаком готовности к любой ситуации. Человек в одежде без карманов беспомощен перед обстоятельствами. Зато обладатель массы потайных отделений в костюме всегда может в нужный момент выудить оттуда что угодно. От набора для первой помощи до электролобзика. Не теряя драгоценного времени на поиски!

Вскоре я лежал в прозрачном боксе на верхней палубе корабля. Разглядывал своих попутчиков. Внутри закипала смесь тревоги, предвкушения и возбуждения. Тот самый термоядерный коктейль чувств, который прежде манил меня в новое путешествие. А я уже было отчаялся испытать его снова.

Мелодичный женский голос эхом разнёсся по лайнеру:

– Протокол анабиоза будет запущен через десять секунд. Приятного полёта!

Я сконцентрировался на дыхании.

На какой-то страшный момент мне стало до слёз жалко свою прежнюю жизнь. Я так и не попрощался с Уной, не окинул последний раз взглядом нашу квартиру – вещи привёз курьер Цогмы. Полгода полёта, ещё шесть месяцев службы и вновь полгода для возвращения. Мысля

как танандец, я понимал, что уже не вернусь домой – вместо меня на Землю прилетит другой человек. И с ним мне только предстоит познакомиться.

В этих раздумьях я ждал, когда войду в анабиоз. Гадал, что почувствую внутри самого длинного в жизни сна. Наконец, в нетерпении приоткрыл один глаз. Удивлённо воззрился сквозь стекло на пассажиров, неуклюже покидающих боксы.

– Добро пожаловать на Тананду! – огласили палубу динамики. – Наш космолайнер совершил посадку в Каданс-сити. Время полёта составило 183 дня, 14 часов и 9 минут. Местное время 11:03, температура воздуха +26 по Цельсию. В целях безопасности просим вас не совершать резких движений и дожидаться полного выхода из состояния искусственного сна, прежде чем принять вертикальное положение...

Я ословело натянул комбинезон. Тот оказался неожиданно удобным. Вылез из спального модуля и тут же очутился в каше вновь прибывших.

Земляне предсказуемо вывалились на палубу сразу после пробуждения. Как сомнамбулы разгуливали по площадке. Натыкались друг на друга, говорили невпопад, громко искали родственников.

Стеновая панель корабля длиной в полмили превратилась в жалюзи и с гулом поехала вверх. Палубу залил оранжевый свет.

Под рёбрами свербила эйфория – удалось! Земля со всеми тягостными воспоминаниями осталась позади. Не просто за миллионы километров в космическом пространстве, но и где-то далеко на оси времени. За полгода полёта Уна наверняка успокоилась и приняла моё исчезновение. Быть может, стоит послать ей голограмму и объяснить...

Мысль о бывшей жене уже не вселяла тревоги. Я вспомнил её лицо, когда-то хранившее так много смыслов, почти спокойно. Будто и не просыпался с ней рядом последние четыре года, а лишь видел в полузабытом фильме.

Спустя двадцать минут я спешил с багажом к выходу из космопорта. На улице меня накрыло волной незнакомых терпких ароматов. Упоительно! Мимо, не касаясь мостовых, проплывали ховеры. Они напоминали гибриды земных мотоциклов и дрейфующих в океане рыб.

Из недр планеты слышалась отчётливая сочная вибрация, похожая на рокот трансформаторной будки. Гул органично смешивался с городским фоном – сигналами мелькающих надоевшей челноков, плеском фонтанов. Вот оно, сердцебиение Чломмы, припомнил я лекции о планете. Бит, который задает такт жизни в городе Каданс. Ему-то столица агломерации и обязана своим названием.

Пассажиры стремились каждый в своём направлении. Их потоки пересекались нитями огромного хаотичного плетения. Я отыскал в длинной шеренге встречающих человека Цогмы. Он был на голову выше меня. При том, что в поезда земного метрополитена я заходил, пригнув голову.

– Ильс, приветствую! – воскликнул улыбчивый танандец. – Как самочувствие?

– Великолепно. Чувствую себя, как никогда! – похвастался я, радуясь, что не забыл принять ноотропы.

– Это пока! – доброжелательно успокоил меня тот. – Первичная эйфория. Идёмте, я доставлю вас в кондоминиум Цогмы. К вечеру нахлынет адаптация. Рекомендую сразу прилечь. Ну, если не хотите хлопнуться в обморок.

Я мысленно положил рекомендацию в коробку бесполезных советов.

Мне пришлось по душе убранство цогмовского жилого куба в шестьдесят этажей. Бесшумные слайдеры дверей. Умиротворяющие голограммы рисовых полей в коридорах, потустороннее свечение диодных лент. Просторная лаундж-зона на крыше с солидным баром и бесконечным бассейном. Всё в белых тонах.

Мои апартаменты оказались просторным ангаром с окнами в пол. Мебель появлялась по голосовой команде. Кровать опускалась с потолка, шкафы бесшумно выезжали из стен.

Я немного побаловался кастомизацией системы умного дома и быстренько настроил её под себя. Расставил на свой вкус перегородки, установил привычный земной уровень влажности. Полюбовался видом на город с террасы, устланной салатовой травкой. И, не дожидаясь обещанной адаптации, выдвинулся в город – на разведку. Час спустя мне представился шанс убедиться в правоте заботливого танандца. Скрутило меня немилосердно.

Глава вторая

Я заплутал в окутанных паром трущобах. Окосевший от акклиматизации, дезориентированный, вывалился на площадь из очередного склизко-тёмного проулка. Я шёл неровной походкой вместе с потоком людей. А тот завихрялся, подчиняясь неизвестным мне законам.

Толпу прорезали пацанята на ховерах, петляющие, хохочущие, делающие воздушные сальто. За ними на челноке с сигнализацией спешила погоня. Стражи порядка?

Яркая вывеска ресторана морепродуктов с объёмным крабом ожила. Существо потянулось клешнями к своей голове, сняло верхнюю часть костюма и обнажило вполне человеческую голову.

«Ростовая кукла» – тупо отметил я про себя. Краб продолжил разоблачение – снял розовые рукава, выключил аэроходули. А затем двинулся в сторону неоновой вывески. Искрящиеся буквы недвусмысленно намекали: сегодня там наливают три виски-цоджа по цене одного.

Я нашёл это выгодной инвестицией и проследовал за лжеморепродуктом. Ценой невероятных усилий пробрался к барной стойке сквозь кашу разномастной публики. Попутно краем глаза оценил интерьер помещения.

Бар был выполнен в эко-стиле, популярном на Земле в начале двадцатого столетия. С потолка свисали огромные окорока и толстенные колёса сыра, источавшие характерный аромат копчёностей. Посетители располагались на табуретах, стилизованных под берёзовые пни, вокруг массивных столов из сруба. Окна выходили на шумную площадь. Они напомнили мне круглые отверстия в норе. Из стен торчали корни и пучки сухоцветов.

Пока я ждал свой заказ у стойки, меня сложило пополам от рези в желудке, и я наклонился будто бы завязать шнурок. Шнурков у меня не оказалось. Зато я смог полюбоваться мякотью Чломмы цвета сырого мяса сквозь прозрачный пол.

– Виски-цодж и два в подарок, – весело подмигнул мне усатый бармен. Его лицо двоилось и расплывалось.

Мои слова прелестной медсестричке о категорическом воздержании от гелей были не ложью. Скорее – творческой импровизацией. В конце концов, все мои будущие клиенты глотали эти гели литрами, если не цистернами. Я решил одним махом избавиться от симптомов кошмарной акклиматизации и занять представление о том, с чем мне придётся работать. И да, я осознавал: эти детские аргументы – лишь уловки моего сознания. Главной причиной было неудержимое любопытство...

Я опрокинул первый коктейль и довольно скоро отправил ему навстречу ещё один. Тем временем в толпе началось странное шевеление. Я вдруг осознал, что посетители не вели себя подобно типичным гостям питейного заведения. Они не кучковались в микросоциальные группы и не пытались снять стресс от обилия информации шутками. Проще говоря, были категорически серьёзны.

Сновали от одного столика к другому, раздавали листовки, поглядывали на часы. «Собрание! – догадался я. – Попал на сходку какого-то клуба по интересам. Что ж, всё по плану, включение в общественный процесс началось, эгей!»

Этот мысленный «эгей» словно триггер указал мне на близкий приход.

Между тем градус суеты поднялся. Несколько крепких ребят повскакивали со своих мест и принялись двигать столы, освобождая пространство в центре зала. Когда сцена была сформирована, в полу открылся люк, и оттуда выбрался маленький детский хор. Зазвучал мажорный гимн Октановой Агломерации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.